

ЮРИЙ ПАВЛОВ

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ КАК КРИТИК И ПУБЛИЦИСТ: ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Александр Иванович Казинцев родился 4 октября 1953 года в нетипичной интеллигентской советской семье. Есть основания отнести её к полуэлитной, полуноменклатурной. Об этом свидетельствуют некоторые факты, сообщаемые критиком в разные годы. Отец Казинцева работал в Министерстве промышленности (имеет значение, конечно, его должность, о которой не сообщается). Александр учился в спецшколе при академии педагогических наук, в классе, где «преобладали «номенклатурные» дети из семей работников ЦК, дипломатов, высокопоставленных военных, чекистов, творческой «элиты» и так далее» [65, с. 3].

О многом, думается, говорит факт, сообщаемый Казинцевым мимоходом. В 1970 году после окончания школы отец повёл его «знакомиться к проректору МГУ» [65, с. 4]. Такой визит был возможен, конечно, только для избранных.

В итоге выбор журфака был обусловлен не столько тем, что, по словам Казинцева, здесь «учиться не надо», сколько творческой атмосферой, царившей в его семье. Мать будущего критика (которую Александр Иванович называл только «матушкой») всю жизнь писала стихи, посещала литературную студию при издательстве «Молодая гвардия». Позже, в аспирантские годы сына, она познакомила его с Вадимом Валериановичем Кожинным, определившим очень многое в мировоззрении и судьбе Александра Ивановича. Отец Казинцева, увлекавшийся живописью и писавший картины, с 9-10 лет брал ребёнка с собой в читальный зал Ленинской библиотеки.

С юности Александр Иванович писал стихи. В 15-летнем возрасте он подружился с 17-летним поэтом и переводчиком Владимиром Полетаевым, который свёл школьника с Арсением Тарковским. О двухлетнем общении с поэтом Казинцев всегда вспоминал с трепетом, восхищением и благодарностью.

То есть выбор журфака МГУ в 1970 году был определён самыми разными факторами судьбы молодого человека. Однако Казинцев-студент больше времени проводил не в аудиториях на занятиях, а в библиотеке. Гораздо позже он скажет: «Не жалею, что променял факультет на библиотеку» [59, с. 169]. Одна из главных причин библиотечного отшельничества видится в следующем. Уже тогда, при декане Ясене Николаевиче Засурском, этот либеральный факультет мало что мог дать конструктивного для развития личности Александра Казинцева, ибо был кузницей западничества, отчизноненавистничества, русофобии. Посмотрите, если не верите, как на юбилей и смерть Ясена Николаевича

поголовно откликнулись все либеральные СМИ во главе с “Новой газетой”. Ну и, конечно, о судьбе Ивана Засурского, внука Ясена Николаевича, завкафедрой факультета журналистики, покинувшего Россию, как и часть либерал-предателей, после 24 февраля 2022 года, не забудьте. Но при этом помните и о тех тысячах русофобов-преподавателей, оставшихся в МГУ, СПГУ, ВШЭ и других вузах страны и по-прежнему уродующих студентов России.

Вот как Казинцев позже в беседе вспоминал об атмосфере, царившей на журфаке МГУ в 1970-е годы: “Мы там и не слышали о русских писателях! Ясен Засурский – декан факультета – приводил к нам Аксёнова, Сола Беллоу. Писатели были и русские, и американские, но взгляды у них одни – они сильно недолюбливали Россию” [60, с. 83]. В отличие от Александра Ивановича, я никогда не называл Василия Аксёнова русским писателем, всегда и только – русскоязычным. (Смотрите, например, мою статью “Мемуары последних лет: взгляд из Армавира” [54].)

В 2018 году в беседе с Владимиром Винниковым Александр Казинцев повторил приведённый фрагмент, внося в него коррективы: “Но я бы не отнёс ни Василия Аксёнова к традиционной русской прозе, ни Сола Беллоу – к традиционной американской” [65, с. 5].

Итак, на журфаке МГУ Казинцев, как многие до него и после него, заразился либерализмом, о чём не раз говорили и он сам, и Вадим Кожин. Собственно, и его друзья-приятели – Бахыт Кенжеев, Сергей Гандлевский, Алексей Цветков – явление не случайное в жизни Казинцева. В отличие от названных писателей, он на протяжении многих лет говорил восторженно о друзьях юности и уверял, что не отрекается от них. Правда, в интервью с Игорем Паниным в 2013 году Казинцев признался: “И в “Московском времени”, и позднее был наособицу” [8].

Переломным моментом в судьбе А. Казинцева – в его мировоззрении и национальном самоопределении – стал просмотр фильма В. М. Шукшина “Калина красная”. В 2008 году он вспоминал: “Приятель буквально затащил меня в кино. Но стоило мне увидеть лицо Шукшина, я вдруг почувствовал, осознал потрясённо: “Это брат мой!” Он так же смеётся, так же печалится и мучается. Спустя годы я узнал, что это же ощущение испытало множество зрителей – от колхозных механизаторов до академиков.

И тут же – второе открытие – как ожог: “Я русский!” До этого я не задумывался ни о своей национальности, ни о проблеме как таковой. А тут заговорила душа, кровь. Я стал искать другие фильмы Шукшина. Узнал, что сам он считает себя не киношником, а писателем. Что Шукшин – член редколлегии “Нашего современника” и там напечатал лучшие свои произведения, в том числе и киноповесть “Калина красная” [14, с. 4].

Правда, позже, в ответах на вопросы Артёма Комарова Казинцев эту ситуацию хронологически сдвинул на несколько лет назад: “Столичный школьник из элитной школы, я вдруг почувствовал, что это мой брат” [57]. Конечно, школьником Казинцев “Калину красную” не видел: фильм вышел на экраны страны в 1974 году. То есть при самом быстром развитии событий Александр Иванович мог посмотреть фильм Шукшина лишь на 3-м курсе университета.

“Смена вех” Казинцева, начавшаяся с “Калины красной”, длилась примерно пять лет. В этом отношении наиболее показателен постстуденческий период.

С 1976 года Александр Казинцев учился в аспирантуре на кафедре критики главного вуза страны. Её возглавлял Анатолий Бочаров – известный ортодоксальный советский критик, литературовед, один из самых последовательных русофобов, ненавистников традиционного крестьянского, народного мира. Под стать заведующему были и преподаватели кафедры: В. Оскоцкий, Ю. Суровцев, Г. Белая, В. Баранов, Л. Вильчек.

И естественно, что Казинцев, ощутивший себя русским, в годы обучения в аспирантуре (1976–1979) живёт в интеллектуально-духовном мире, параллельном миру кафедрально-факультетскому. Он по-прежнему много времени проводит в библиотеке МГУ. Сравнивая её с “Ленинкой” в 2008 году, Александр Иванович сказал: “В отличие от неё, фонды университетской библиотеки не были столь ревностно прорежены тогдашними блюстителями идеологической чистоты. Там я познакомился со 150-томным изданием Святых Отцов, книгами философов и поэтов Серебряного века” [14, с. 4]. На квартире Казинцева проходят философские семинары, где читают, обсуждают работы

В. Розанова, П. Флоренского, Н. Бердяева, Л. Шестова, сборник “Из-под глыб”...

Ясно, что аспирантский неуспех такого – некафедрального, нефакультетского, несоветского – Александра Казинцева был заранее предопределён. На его предзащите научный руководитель Галина Белая заявила: “Либо я, либо он” [14, с. 4]. В унисон руководителю Казинцева высказался и Валентин Оскоцкий: эта “диссертация действует на меня, как красная тряпка на быка” [14, с. 4].

Причины открытой, резко-негативной реакции ведущих профессоров факультета и статусных критиков страны лежат на поверхности. Казинцев критиковал Бориса Эйхенбаума, Юрия Тынянова, Виктора Шкловского и других кумиров, что для либеральной интеллигенции разных поколений – кощунство. Ещё большим преступлением, с точки зрения учёных-русофобов, было то, что диссертант побивал звёздных формалистов цитатами “крамольных” авторов: Ивана Киреевского, Алексея Хомякова, Степана Шевырёва, Василия Розанова... Неудача Казинцева на предзащите кандидатской диссертации не была, уверен, собственно неудачей. Более того, её нужно воспринимать как подарок судьбы: таким образом для молодого человека был закрыт путь в безмятежное литературоведение – мёртвую науку.

Конечно, всеми этими вопросами Казинцев тогда не задавался. Главным делом его жизни в 1970-е годы была поэзия.

Именно с оглядкой на личную творческую судьбу и судьбу друзей по “Московскому времени” (В. Полетаева, А. Сопровского и других) написана критическая статья “Несвоевременный Катенин”. Она, появившаяся в пятом номере журнала “Литературная учёба” в 1982 году, – первая публикация Казинцева-критика. С учётом того, что статья – это в большей или меньшей степени слепок с творческой личности её автора, у нас есть возможность понять некоторые творческие и человеческие особенности Александра Казинцева.

Подчеркну: Казинцев не относится к распространённому типу критиков (от Николая Добролюбова до Льва Аннинского), для которых чужой текст – только повод для самовыражения и самоутверждения. И характеризую жизненный и творческий путь Катенина, молодой автор не позволяет себе никаких вольностей. При этом очевидно, что особое внимание Казинцев обращает на вопросы, волнующие именно его.

Один из них (может быть, главный, подсказанный судьбой Катенина) сформулирован так: “Но что же делать поэту, чьё творчество – откровение души – признано несвоевременным?” [15, с. 170]. Ответы на данный вопрос даются на протяжении всей статьи, они по-разному – точно и неточно – рифмуются с миром и творчеством Казинцева как 1970-х годов, так и последующих десятилетий.

“Опыт беды” – грибница, из которой вырастают любимые, главные, сквозные идеи всего творчества Александра Казинцева. В “Несвоевременном Катенине” “опыт беды” понимается как способность человека, попавшего в экстремальную ситуацию (военную, политическую, творческую, личностную), остаться верным себе, верным идеалам красоты и правды народной.

В “Сражённых победителях” (2013) смысл выражения “опыт беды” раскрывается через цитату из стихотворения Катенина (что ранее в статье о нём не делалось). Из приведённой строфы следует: “опыт беды” – опыт гонений и борьбы – только укрепляет силу честной души. Величие духа проявляется особенно в таких ситуациях, когда нужно пойти против течения (“не примазаться к заведомым удачникам”), когда – несмотря на обречённость – необходимо встать на защиту своего. Кульминация на этом пути – неравный бой, в котором человек сознательно идёт на смерть. Таким образом, одерживается духовная победа над самим собой, страхом, смертью физической.

В 2013 году, выступая на X Кожинской конференции в Армавире, Александр Казинцев пояснил, почему героем его первой статьи стал Катенин. На примере его творчества и судьбы критик хотел “представить своего рода формулу плодотворности неудачи” [33]. Неудачники же, по мнению Казинцева, интереснее победителей, так как горькие глубокие размышления первых “могут пригодиться людям”. Свою идею Казинцев подтверждает неожиданными примерами, рассуждениями. Вот экстракт их. “Дон Кихот”, “Король Лир”, “Гамлет”, “Фауст”, “Слово о полку Игореве...”, “Моление Даниила

Заточника”, “Слово о погибели Русской земли”, “Тихий Дон”, “Белая гвардия”, “Доктор Живаго”, “Солнце мёртвых” — это “дневники” неудачников.

В статье “Несвоевременный Катенин” Казинцев утверждает, что “опыт беды” (войны 1812 года в первую очередь. — Ю. П.) “учил единению с народом” [15, с 171]. Идея же народности — альфа и омега русской литературы XIX века — становится идеей Казинцева (по-настоящему, всерьёз выношенной), думаю, на рубеже 1970–1980-х годов. Отголоски преодолённых народностью идей находим в следующих суждениях критика о Катенине: “Стремление слиться с народным целым и одновременно утвердить неповторимость своей личности — не было ли здесь непримиримого противоречия?”; “Ему чуть ли не в одиночку предстояло решить сложнейшую проблему — примирения в творчестве двух казавшихся противоположными начал — индивидуализма и народности...” [15, с. 171–172].

Идея народности не рифмовалась с определённым кругом идей “Московского времени” (1975–1978), альманаха, душой которого были А. Казинцев и А. Сопровский. Об этом периоде своей жизни Александр Иванович, пожалуй, впервые рассказал в 1991 году в статье “Придворные диссиденты и погибшее поколение”. “Наследство” Бориса Кормера, с опозданием опубликованное в СССР в 1990 году, Казинцев называет “романом о моём поколении”. Оно характеризуется, в частности, так: “Встречаясь, мы подбадривали друг друга: “Не забывай, где живёшь”. Это незамысловатое приветствие призвано было хоть как-то смягчить удары тотального хамства <...>. Требования к “окружающей среде” были минимальными: не посадили, ну, так радуйся. Зато и отторжение среды было полным. Ах, как любили мои сверстники в ответ на очередное насильственное “ты должен” ответить: “Я ничего и никому не должен” [28, с. 172].

В 1991 году Казинцев, называя такую позицию наивной, делает акцент на “не должен”. На рубеже 1970–1980-х годов на смену эгоцентрическому видению себя в окружающем мире пришли принципиально другие чувства, мысли, убеждения. Они были постепенно выстраданы и рождены любовью. Вот как определяется новая ипостась в становлении личности Казинцева в данной статье: “Мы отвечаем за этот день не перед нынешними властями преержавшими — перед Родиной” [28, с. 172]. На этом пути Казинцеву пришлось отказаться от многих (скорее всего, большинства) идей “погибшего поколения”. Об одной из них, озвученной критиком мимоходом, следует сказать особо.

Во-первых, если бы статья Казинцева писалась уже в XXI веке, то, уверен, слова о “тотальном хамстве” были бы соответствующим образом прокомментированы. Не вызывает сомнений, что постсоветское, либерально-демократическое хамство не на один порядок выше “тотального хамства” 1970-х годов минувшего столетия.

Во-вторых, в 1991 году Казинцев точно передал одну из особенностей мироощущения и своего, и “погибшего поколения” в целом. Взгляд на окружающий мир как на мир тотального хамства порождён эгоцентризмом, леволиберальным дальтонизмом. Эта интеллигентски западничская по своей природе “родовая травма” проступает через мировоззрение и творчество как Сергея Гандлевского, Бахыта Кенжеева, Алексея Цветкова, так и самых разных русскоязычных писателей — от Андрея Вознесенского и Василия Аксёнова до Виктора Ерофеева и Людмилы Улицкой.

Ещё одним ценностным понятием в статье “Несвоевременный Катенин” является память, примиряющая два начала: индивидуализм и народность. С этим утверждением критика трудно согласиться. Индивидуализм исключает народность мировоззрения, творчества в её традиционно-православном понимании. К тому же память индивидуалистов, эгоцентрических личностей, и память соборных личностей — это диаметрально противоположные явления.

Сущностный сбой произошёл в первой статье Казинцева потому, что он не разделил понятия “индивидуализм” (“индивид”) и “личность”. Годом раньше “Несвоевременного Катенина” была опубликована статья Юрия Селезнёва “Глазами народа”. В ней один из лучших критиков XX века исчерпывающе точно высказался по данному вопросу: “Личность начинается не с самоутверждения, но с самоотдачи. При этом происходит как бы самоотречение, пожертвование своего Я ради другого. Но — в том-то и “диалектика”: через такого рода отречение от индивидуалистического, эгоцентрического Я человек из индивидуума перерождается в личность”? [61, с. 46].

Как видим, Ю. Селезнёв, следуя христианской традиции (помня, конечно, и известное высказывание Достоевского), личность определяет через самоотречение, самопожертвование. И в этой связи неизбежно вспоминается “наставник” А. Казинцева, заведующий кафедрой критики МГУ доктор филологических наук, профессор Анатолий Бочаров. Он умудрился найти в самоотречении “оборотную сторону фрейдистского взгляда” [6, с. 295] и задал показательные, якобы риторические вопросы: “Почему обязательно подчинять себя целому (народу. — Ю. П.)? Вправду ли в человеке всегда существует нечто, которое требуется подчинять, подавлять? Неужели фатальна диктатура народа над личностью?” [6, с. 295].

Этот марксистско-либеральный мыслительный кентавр, как и сотни ему подобных (“ханжеская христианская мораль”; “марксизм утвердил подлинную диалектику: обосновав реальность коммунистического общества, где будут созданы условия для правильной любви ко всем людям” [6, с. 293]), свидетельствует о том, что мировоззренчески, духовно, культурно А. Бочаров и его единомышленники не способны — и тогда, и сегодня, и всегда — понять русскую литературу. Казинцеву повезло, что он не стал коллегой таких “специалистов” по русской литературе и критике.

Возвращаясь к статье “Несвоевременный Катенин”, отмечу: те суждения критика, где вместо понятия “индивид” употребляется понятие “личность”, возражений не вызывают. Например: “Память приобщает личность к народному единству. Это единство, осознаваемое обычно в момент национальных триумфов и катастроф, проявляется, прежде всего, в отношении к судьбе страны...” [15, с. 173].

Через семнадцать лет после появления статьи Казинцева Станислав Куняев в своих мемуарах “Поэзия. Судьба. Россия” верно заметил, что отношение к государству — одна из основных линий водораздела между писателями-патриотами и писателями-либералами в 1960–1980-е годы. Об этом на примере “Московского времени” и “погибшего поколения” сказал Александр Казинцев в 1991 году: “На грани восьмидесятых <...> произошла показательная метаморфоза. Многие (думаю, здесь Александр Иванович преувеличивает. — Ю. П.) захотели “послужить”. Послужить Отчизне — именно так, с большой буквы”; “Тогда же и я пошёл работать в журнал “Наш современник”, Юрий Селезнёв призвал меня — послужить” [28, с. 173].

Так идея “единения с народом” у Казинцева естественно закольцевалась идеей служения Отчизне, что подразумевало, как позже уточнит Александр Иванович в “Сражённых победителей”, защиту интересов России и русских.

В статье “Несвоевременный Катенин” Казинцев, подводя итоги жизненного и творческого пути своего героя, прошедшего под знаком “опыта беды” и “единения с народом”, заявляет: “Автор, признанный “несвоевременным”, не только оригинально разрешил проблемы, стоявшие перед поэзией его эпохи, но и оказался современником художников иных эпох. Катенин доказал, что поэзия поэта, отнесенного на литературную периферию и в силу своего положения не связанного нормами господствующей эстетики, может быть творчески плодотворной. Успех Катенина был результатом обращения к неисчерпаемому богатству народной культуры, наделяющей человека творческой свободой. Судьба Катенина интересна и дорога для нас как пример последовательного мужественного пути художника...” [15, с. 177]. Эти слова двадцатисемилетнего автора статьи о Катенине в главном и в некоторых частностях рифмуются с сюжетом жизни и творчества Александра Казинцева.

Казинцев-зоил — уникальное явление в критике XX столетия. В 1980-е годы, сменив поэтическое амплуа на новое, Казинцев за кратчайший срок стал одним из самых ярких и значительных критиков своего времени.

Виктор Юхт в статье “Кто он, современный критик?” свои размышления о работе Сергея Чуприна “Критика — это критики” закончил пожеланием: “Хотел бы ещё увидеть статьи о критиках разных годов, направлений, пристрастий — о В. Лакшине и В. Огневе, А. Урбане и А. Марченко, о покойном Ю. Селезнёве и о лучших из поколения “сорокалетних”, например, о Вл. Новикове, И. Шайтанове, А. Казинцеве” [72, с. 85]. Пожелание харьковского критика естественное, закономерное, только Казинцева он относит к “сорокалетним” ошибочно: Александру Ивановичу на момент публикации статьи Юхта было тридцать два года. Данная неточность, думаю, порождена тем, что за пять лет, прошедших после выхода первых статей Казинцева, он стал не по

возрасту популярен, стал критиком, которого читают, на чьи работы активно реагируют коллеги по цеху.

И вполне закономерно, что уже через два года в книге Чупринина “Критика — это критики” появилась глава “Дух боевитости, или Александр Казинцев” [70, с. 303–308]. Выбор Казинцева и Мальгина, чьими портретами завершается книга, Андрей Немзер назвал “выбором одновременно логичным — и неудачным” [51, с. 247]. Логичность автору статьи “Конец прекрасной эпохи” видится в том, что эти критики среди “тридцатилетних” выделяются фактурностью, они “слепили свой образ” сами. В то же время Александр Казинцев не обладает, по мысли Немзера, качествами, присущими Александру Агееву, Марку Липовецкому, Владимиру Потапову, Виктору Юхту, Михаилу Золотонову, — “тридцатилетним”, не попавшим в книгу С. Чупринина. И в этом, считает Немзер, неудачность выбора автора “Критика — это критики”.

В оценке Казинцева между Сергеем Чуприниным и Андреем Немзером нет никаких разногласий. Они оба ставят под сомнение талант критика, что лишний раз подчеркнул Чупринин в интервью, ставшем своеобразным комментарием к вышедшей книге [71, с. 33]. Такое отношение к Александру Казинцеву со стороны “левых” вполне естественно, предсказуемо и другим быть не может. Это реакция на идеи, ценности, которые критик последовательно утверждал в своих статьях и о которых пойдёт речь.

В 1984 году на страницах “Литературной газеты” состоялась дискуссия о критике, в ней принял участие и Александр Казинцев. Современной критике, утверждал тридцатилетний автор в статье “Не драка, а диалог”, не хватает “глубины осмысления разбираемых произведений, конкретности наблюдений, аргументированности выводов” [18, с. 3]. И эти довольно традиционные требования к критике Сергей Чупринин приводит в своей книге как иллюстрацию слога Казинцева, “по-профессорски солидного и по-профессорски вяловатого”, напоминающего “то ли публичную лекцию, то ли установочный доклад на писательском совещании” [70, с. 304].

Предвзятость Чупринина очевидна, поэтому от комментариев воздержусь, но вскользь замечу. Несомненно, Сергей Иванович знает толк в установочных статьях, в которых преуспел, когда трудился в “Литературной газете”, но в данном случае он явно перепутал Александра Ивановича с самим собой. Вообще Чупринин принципиально неадекватен в своих оценках Казинцева (подобной тотальной критике в его книге подвергается лишь Вадим Кожинов). Создаётся впечатление, что он даже не читал статью “Не драка, а диалог”, откуда приводит примеры. Уже в следующем после процитированного Чуприниным предложении говорится о том главном, чего, на взгляд Казинцева, не хватает многим публикациям — “воли к пониманию другого, его судьбы, его мыслей и чувств, воплотившихся в произведении” [18, с. 3]. Эта и иные принципиальные мысли Казинцева Чуприниным игнорируются.

Автор статьи “Не драка, а диалог” обращает внимание на слабые места в работах Льва Аннинского, Алексея Кондратовича, Владимира Гусева, Ирины Роднянской, Владимира Котельникова. Среди типичных для текущей критики недостатков Казинцев называет следующие: подмена вдумчивого анализа “хлесткими негативными характеристиками” или безудержным восхвалением; игнорирование работ предшественников, отсутствие ссылок на статьи коллег-современников; гипертрофированная самореализация критика в ущерб объекту исследования; отсутствие личностно-творческого начала, когда зоил — лишь ретранслятор набивших оскомину общеизвестных мыслей о литературе и жизни.

Идея “что есть критика” естественно вытекает из всей статьи Александра Казинцева, логически завершает её. На традиционный вопрос: “Критик — это писатель?” — он отвечает так: “Да, подлинные мастера жанра — художники. Но в отличие от поэта или прозаика, они не творят новую эстетическую реальность. Как бы критик ни стремился к независимости, его искусство изначально связано с чужим текстом. Это искусство понимания” [18, с. 3]. Уже на примере размышлений Александра Ивановича о назначении критики понятно, что в трактовке данного вопроса Казинцев идёт собственным путём, его видение критики отличается от взглядов Льва Аннинского, Владимира Гусева, Вадима Кожинова, Юрия Селезнёва, Владимира Бондаренко.

Разговор о критике Александр Иванович продолжил в статье “От избытка сердца. . .” (“Октябрь”, 1986, № 6), приуроченной к 175-летию со дня рождения

Виссариона Белинского. В ней вопрос о художественности называется одним из самых насущных. В рецензиях и статьях о современной литературе, по мнению критика, преобладает пересказ содержания произведения. Отталкиваясь от рецензии Евгения Кузьмина, Казинцев справедливо утверждает: если критики будут видеть в произведениях только содержание, то слово “художественность” уйдёт из лексики литературной критики в распоряжение историков и теоретиков литературы.

Не одно десятилетие художественность подменялась социальностью и различными её модификациями. Примером могут служить ответы Петра Николаева и Анатолия Бочарова на анкету “Строка Белинского”. Так, Бочаров, заведующий кафедрой критики на журфаке МГУ, где Александр Казинцев в 70-е годы был аспирантом, свои размышления завершает следующим образом: “Итак, время и место, обусловленные духовным состоянием общества, – вот что такое поэтическая действительность, которая вкуче с плодотворной идеей и сотворяет великие таланты” [7, с. 220–221].

Понятно, что такой вульгарно-социологический подход утверждался с подачи Белинского, у которого подобных высказываний предостаточно. Казинцев же в своей статье отталкивается от других суждений критика, в частности, из статьи “Взгляд на русскую литературу 1847 года”: “Без всякого сомнения, искусство, прежде всего, должно быть искусством, а потом уже оно может быть выражением духа и направления общества в известную эпоху. Какими бы прекрасными мыслями ни было наполнено стихотворение, как бы ни сильно отзывалось оно современными вопросами, но если в нём нет поэзии, – в нём не может быть ни прекрасных мыслей и никаких вопросов, и всё, что можно заметить в нём, – это разве прекрасное намерение, дурно выполненное” [3].

Правда, и данное высказывание, как это часто бывает у Белинского, можно толковать по-разному, что и продемонстрировал Леонид Новиченко в своём ответе на анкету “Нового мира” [52]. Думаю, поэтому Александр Казинцев вынужден был домысливать за якобы лучшего якобы русского критика, приписывая ему то, что у “неистового Виссариона” встречается предельно редко: стремление донести до читателя ощущение целостности произведения через единство содержания и формы.

Уточню: целостный подход – явление редкое в критике как в 80–90-е годы XX века, так и сегодня. Явление, уверен, далеко не всегда обязательное. Зацикленность же на художественности, по-формалистски понимаемой, приводит к убийству живого духа литературы. Об этом с понятным возмущением писала Марина Цветаева в статье “Поэт о критике”: “Часто, читая какую-нибудь рецензию о себе и узнавая из неё, что “формальная задача разрешена прекрасно”, я задумывалась: а была ли у меня “формальная задача”? <...> Как я, поэт, т. е. человек сути вещей, могу обольститься формой? Обольщусь сутью, форма сама придёт” [69].

Не вызывает сомнений, что Александр Казинцев эту опасность обольщения формой прекрасно осознаёт. Характерен эпизод из его статьи “Я наблюдал, боготворя...” [16]. Критик говорит о бесплодности рассмотрения эволюции Б. Пастернака, А. Ахматовой, Н. Заболоцкого на формальном уровне “как движение от “усложнённости”, “заумности” ранних стихов к “ясности”, “общедоступности” поздних” [16, с. 66]. Казинцев предлагает вести речь о содержательной художественности или содержательной форме.

Интересна в данном отношении работа о Мандельштаме “Я – русский поэт!” [27]. Неповторимое “я” автора “Камня” Казинцев определяет не через культуру стиха, а через особую доверчивость и задушевность. Творческая же судьба Мандельштама – это поиск слова, преобразующего “внутренний крик” поэта в художественное явление, связанное с современностью, историей, культурой народа. Иногда поиск такого слова затягивался на долгое время, что Александр Казинцев показывает на примере стихотворения “Не мучнистою бабочкой белой...”

Критику непонятна и неприемлема ирония Сергея Рудакова, вызванная тем, что Мандельштам целый год искал завершающую строчку произведения. Казинцев справедливо утверждает, что поэт искал не строчку, а выход из плена стереотипов времени. “Мандельштаму удалось найти нужную интонацию – не победно-утвердительную, в духе передовиц, – встревоженную, вопрошающую интонацию, пронизанную предчувствием катастрофы. Эти нестройно,

наперекор воинскому уставу идущие “люди, люди, люди” как бы проваливаются за грань стиха в небытие” [27, с. 198].

Целостный подход к анализу произведения Казинцев демонстрирует и в экспрессивно-изящной статье “Игра на понижение” [17] о повести В. Маканина “Предтеча”. Размышления критика о природе таланта писателя – одно из ключевых мест работы. Александр Казинцев полемизирует с Натальей Ивановой, которая трактует анекдот – художественную основу произведения – как вариант притчи, несущей философскую нагрузку. Автор “Игры на понижение” убедительно возражает: “Анекдот и притча лишь формально близки. Различие же между ними куда существеннее – они выражают прямо противоположное отношение к миру: рассказывая о “вечных” свойствах человеческой природы, притча возвышает их, просвечивает светом духовности, анекдот снижает, окарикатурирует” [17, с. 29].

Не менее убедительно Казинцев опровергает версию Ивановой о В. Макаanine и Н. Гоголе как о писателях, стилистически родственных. Он говорит о сделанности, сконструированности образа главного героя “Предтечи”, о психологической немотивированности его поведения, мастерски разбирает художественные просчёты повести и т. д. И в данном контексте тема “анекдот – притча” получает такое продолжение: “К анекдоту автор подмешивает житие. Но не для статичного их соединения, анекдот сразу же начинает житие профанировать и постепенно поглощать. Это игра на понижение. С высот духа до самых низменных проявлений человеческой природы” [17, с. 30].

Точный диагноз критика применим и к творчеству Владимира Маканина последних десятилетий, к периоду, который начался публикациями повестей “Отставший”, “Лаз”. “Игра на понижение” для Маканина закончилась в конце концов катастрофически. Он, один из самых талантливых из “сорокалетних” писателей, в итоге полностью порвал с традициями отечественной литературы.

Для современной критики, по мнению Казинцева, особенно значим историзм мышления. Он отмечает, что во многих публикациях конкретное произведение рассматривается как “вещь в себе”, вне традиций и контекста русской литературы. Обрезанный кругозор мышления приводит к размыванию критериев и оценочному произволу.

Особо подчеркну: в разговоре об историзме Казинцев не вспоминает о необходимости классового подхода, актуальности работ В. Ленина и т. д., то есть он зримо избегает тех общих – обязательных – мест, без которых статьи большинства критиков-современников – от идеологически правоверного Феликса Кузнецова до “эстета” Андрея Немзера – не мыслились. Последний в обзоре работ о Белинском “Диалог продолжается” посчитал необходимым расставить такие идеологические акценты: “Очень существенна мысль о том, что “Письмо к Гоголю”, названное В. И. Лениным “лучшим произведением бесцензурной демократической печати”, проникнуто от начала и до конца... “утопиеборчеством”; “Одним из самых бесстрашных борцов со всеми формами лжи <...> вошёл Белинский в русскую литературу, в традицию революционной мысли” [50, с. 51].

Историзм мышления по-разному проявляется в работах Александра Казинцева, наглядно – в статьях, где объект исследования – далёкая и близкая история, запечатлённая в художественном слове. В подобных случаях у Казинцева, как правило, существует дистанция между его позицией и позицией автора анализируемого произведения. А это возможно только при наличии серьёзных знаний и общих представлений об истории.

Эти знания, явленные в работах критика в виде фактов, экскурсов и тому подобного, выполняют разные функции. В статье “Несвоевременный Катенин” история – фон, иллюстрация к судьбе и произведениям П. Катенина. В статьях “Я наблюдал, боготворя...”, “Путь на пользу”, “Очищение или злословие”, “История – объединяющая или разъединяющая”, “Новая мифология”, “Жертва вечерняя”, “Я – русский поэт!” история, точнее – историософия, – ключ к пониманию литературы и жизни.

Поэтому закономерно, что размышления Казинцева о близком и далёком прошлом, о современности, о творчестве А. Блока, А. Ахматовой, Б. Пастернака, О. Мандельштама, Н. Заболоцкого, В. Гроссмана, Ю. Трифонова, В. Шаламова, Б. Ямпольского, В. Пикуля, Ф. Искандера и многих других писателей сопровождаются обязательными операциями: художественная реальность соотносится с жизненной реальностью, авторский взгляд на мир

и человека поверяется системой ценностей, традиционных для отечественной литературы, культуры, истории, философии. И дело не в том, что Казинцев каких-то писателей решил отлучить от русской словесности, как утверждает А. Немзер на страницах “Литературной газеты” [47, с. 4]. Суть в другом: немало произведений, не выдерживая испытания русской матрицей, выпадают в осадок.

Например, в статье “История – объединяющая или разобщающая” [24] Александр Казинцев, подробно анализируя роман “Жизнь и судьба” В. Гроссмана (названный “левыми” фантазёрами “Войной и миром” XX века), показывает его ценностную инородность отечественной словесности. Я пунктирно воспроизведу размышления критика о проблеме личности – одной из ключевых в романе и русской литературе.

Казинцев утверждает, что Василий Гроссман сводит эту проблему к “формуле “отдельного человека”, что означает разрыв с традицией эпического мироощущения, выраженной в “формуле “человек – народ”. К безусловно верным суждениям критика, думаю, требуется уточнение. Гроссмановская формула противостоит не просто эпической традиции, а традиции русской литературы, культуры, мысли, согласно которой неусечённая “формула личности” выглядит так: “человек – народ – Бог”.

Критик акцентирует внимание на непоследовательности, противоречивости писательской формулы “отдельного человека”, утверждаемой через авторские характеристики и речь персонажей: Мадьярова, Каримова, Штрума, Соколова, Павлюкова... С одной стороны, “отдельный человек” – это человек без национальности: “не русский, не татарин”, но, прежде всего, важнее всего: “не русский, не русский”. С другой стороны, данная формула не распространяется на всех героев, на все народы. В избранном положении оказываются евреи, поэтому, и не только поэтому, критик справедливо говорит о национальном эгоцентризме мышления В. Гроссмана. В этой связи Казинцев, в частности, утверждает: “Мне трудно принять жёсткую, нет – жестокую избирательность писателя, видящего в переполненной трагедиями народов истории первой половине XX века только трагедию евреев: “...Первая половина двадцатого века войдёт в историю человечества как эпоха поголовного истребления огромных слоёв еврейского населения, основанного на социальных и расовых теориях”. Войдёт, не спорю. Но рядом с убитым евреем войдут в историю человечества и умершие от голода русский хлебопашец и украинский крестьянин. <...> Войдут замученные в фашистских лагерях белорусы, войдут вырезанные в Османской империи миллионы армяны, войдут греки, погибшие в сражениях с фашистами, бойцы испанских отрядов, эфиопы, индийцы, палестинские арабы <...>, – десятки и десятки миллионов людей страшным потоком вольются в книгу судеб и скажут: нас убили в XX столетии, в первой его половине” [24, с. 176].

В суждениях Александра Казинцева о литературе и истории довольно много неожиданного – по оригинальности и глубине мысли, по “партийной” направленности – оценочности. Они опровергают расхожее мнение “левых”: дескать, Казинцев не выдвигает новых идей, повторяет сказанное В. Кожинным, Т. Глушковой и другими “правыми” старшего поколения (смотрите, например, статью К. Степаняна “Выпавшие из времени, или Чуть-чуть не считается” [62]).

В одних случаях критик ведёт косвенный спор со “своими”, высказывая мнение, отличное от взглядов большинства “правых”. Например, в статье “Путь на пользу” [20] Александр Иванович говорит о серьёзных недостатках романа Валентина Пикуля “Фаворит”, а в “Простых истинах” [21] критик называет неудачным сборник Юрия Кузнецова “Ни рано, ни поздно” и довольно резко отзываясь о заметке поэта, посвящённой стихам Виктора Лапшина [21, с. 180–181].

В других работах Казинцев ведёт прямую полемику с “правыми” собраниями по цеху, а в тех случаях, когда имена не называются, они легко угадываются. Так, в статье “Лицом к истории: продолжатели и потребители” [22, с. 166–175] ставится под сомнение подход к русской и европейской истории, ставший очень популярным после публикации одной из самых известных статей Вадима Кожина “И назовёт меня всяк суший в сей язык...” [44]. Размышляя о пушкинском понимании истории, Александр Казинцев мимоходом замечает: “Некоторые публицисты примерно так и пытаются

представить дело — подсчитывают, сколько гугенотов было вырезано во Франции за одну только Варфоломеевскую ночь, сравнивают с числом русских людей, истреблённых Иваном Грозным, и на основании результата элементарной арифметической операции провозглашают: мы более человеколюбивы!» [44, с. 171].

Отдельная страница в творчестве А. Казинцева — статья «Надзирающая» [29], посвящённая полемике с Татьяной Глушковой. В этой работе проявились интеллектуальная мощь, обширнейшие знания, редкий полемический дар, аналитический ум, логическое мышление критика. Его полемика с Глушковой — тема большого и серьёзного отдельного разговора.

Пока же на двух примерах проиллюстрирую, насколько убедителен, хлёстко-ироничен, изобразительно-виртуозен в своих суждениях, контрдоводах А. Казинцев. В первом случае речь идёт о версии, настойчиво транслировавшейся Татьяной Глушковой для дискредитации И. Р. Шафаревича — одного из самых гениальнейших и достойнейших русских патриотов. О «таланте» производить «фейки» Т. Глушковой говорится, в частности, так: «Она придумывает не только имена — случается, и факты. В «Русском соборе» она утверждала, что И. Шафаревич ездил в Горький к ссыльному А. Сахарову. В новой статье она уже делает Шафаревича с в я з н ы м. Характерные для Глушковой приём: порою в пределах даже одной работы (а то и фразы) снова и снова повторяемая мысль переходит в новое качество — гиперболы, гротеска, фантазмагории. «...Шафаревич, — утверждает она, — осуществлял «челночную связь» между «горьковским узником» Сахаровым и «зарубежными корреспондентами» («Молодая гвардия», № 1, 1995).

О поездке (поездках?) Шафаревича в Горький Глушкова сообщала так авторитетно, что даже я, каюсь, поверил. Помнится, защищал мнимого путешественника в «Нашем современнике» (№ 9, 1993). И лишь потом узнал: визит в Горький — обыкновенная выдумка. Между тем, ухватившись за этот придуманный ею «факт», обличительница изображает Шафаревича чуть ли не подручным Сахарова («Молодая гвардия», № 1, 1995)» [29, с. 182].

Объектами прицельной стрельбы Глушковой также стали сам Казинцев и журнал «Наш современник». Александр Иванович признаётся: «Долго не мог поверить, что такое мифотворчество возможно, пока не вычитал у Глушковой новые сведения, на этот раз о самом себе. «...Двенадцатый номер («Нашего современника». — А. К.) за прошлый год, где некто А. Казинцев и прямо толкует о духе ТРОЦКОГО, господствовавшем в Великой Отечественной войне, — удивительно переключается с «исторической позицией» позорно известного автора «Ледокола» В. Резуна...» («Молодая гвардия», № 11, 1994). Предлагаю пари любому желающему: откройте 12-й номер «Нашего современника» за 1993 год и не найдёте в моей статье «Переоценка» ни одного упоминания ни о духе Великой Отечественной, ни о Троцком. Статья посвящена урокам октябрьской трагедии. Единственный раз я писал о Троцком, — но в другом номере, в другой статье и по другому поводу <...>.

А вот как раз о В. Резуне и его «Ледоколе» наш журнал писал. Автор статьи А. Ланщиков камня на камне не оставил от дилетантских и недобросовестных рассуждений перебежчика («Наш современник», № 5, 1994) <...>.

На основании десятков подобных уловок, передержек, большой и малой лжи Глушкова делает глобальный вывод: «Он (журнал «Наш современник». — А. К.) становится постепенно... журналом ИЗМЕНЫ, печатным органом ИЗМЕНИ. Всяческой: политической, культурной, религиозной...» («Молодая гвардия», № 11, 1994)» [29, с. 182-183].

Итак, во многих случаях позиция Александра Казинцева отличается от позиции большинства «правых». Поэтому упреки в партийности мышления, периодически звучавшие в адрес критика, воспринимаются как голословные. Так, в рубрике «По мнению редакции» («Вопросы литературы», 1987, № 4) был опубликован материал «Об этике литературного спора», часть которого посвящалась Александру Казинцеву. В частности, приводилась цитата из его статьи «Взыскательная критика и её противники» [19], где высказывалось предположение: Андрей Мальгин — лишь «инструмент» «Юности», выразитель позиции журнала.

Это предположение «Вопросы литературы» переадресовали автору его: «...А как бы сам Александр Казинцев отнесся к суждению в том роде, что он является лишь проводником некоей надличной воли? Вопрос тем более

уместный, что выступление критика выдержано в стиле редакционной статьи, а автор является штатным сотрудником журнала “Наш современник” [53, с. 209]. Позже подобные мысли – и не в форме риторического вопроса, а вполне утвердительно – высказывались Кареном Степаняном, Александром Архангельским, Вячеславом Огрызко.

Думаю, когда речь идёт о редакционной политике “Нашего современника”, Александр Казинцев – выразитель позиции журнала, что признаётся им самим как единственно правильная модель поведения. Но когда речь идёт об оценке конкретных произведений, Казинцев, конечно, выступает как “частное” лицо, как критик, чья точка зрения нередко не совпадает с мнением авторов и работников журнала.

Например, никто из “правых” не написал об “Исчезновении” Ю. Трифонова так тонко и глубоко, как Александр Казинцев. Из его статьи “Лицом к истории: продолжатели или потребители” [22] я приведу фрагмент, вызвавший наибольшие возражения, нападки со стороны “левых”.

Критик акцентирует внимание на том, что герои “Исчезновения” в восприятии Ю. Трифонова делятся на две группы. К первой, наибольшей, заслуживающей оправдания, сострадания, относятся почти все обитатели Дома на набережной – советская элита, обрекая на гибель и лишения миллионы ни в чём не повинных людей. Вторая группа героев – преступников, не вызывающих авторского сочувствия, – представлена Флоринским и безымянным персонажем, НКВДэшником, который проводил обыск на даче любовницы Сергея.

Именно этот безымянный персонаж, первоначально не замеченный критиками разных направлений, вызывает особый интерес у Александра Казинцева. Он подчёркивает простонародное, вероятнее всего, – крестьянское происхождение НКВДэшника. Признавая его вину, критик не скрывает, что ему жаль этого мужика, ибо он сам – жертва. Жертва той ситуации, в которую поставлен волей обитателей Дома на набережной, чьи приказы он выполняет.

Естественно, что такие взгляды Казинцева были встречены в штыки нашей либеральной жандармерией. В его адрес посыпались обвинения, цель которых очевидна: дискредитировать критика как человека и профессионала. Вот как, например, характеризуется позиция Александра Ивановича в эпизоде с НКВДэшником в уже называвшейся статье Сергея Чуприна. Казинцев якобы “рассуждает о недемократичности и, может быть, даже антинародности позиции Ю. Трифонова, так как юный герой романа “Исчезновение” (Горик. – Ю. П.) без всякой приязни смотрит на людей в форме НКВД, которые ночью пришли арестовывать и навсегда увести с собой его отца” [70, с. 306].

Во-первых, об эпизоде ареста отца Горика Казинцев не говорит ни слова. Непонятно, как Сергей Чупринин смог перепутать данный эпизод с обыском на даче, о котором пишет Александр Иванович. Во-вторых, о чувствах “юного героя” в данной статье речь не идёт: Казинцев обращает внимание на позицию Юрия Трифонова. В-третьих, оценки Чуприна, строящиеся на откровенных подтасовках, фантазиях, комментировать нет смысла.

И такая метода сознательного искажения, оглупления взглядов Александра Казинцева характерна для всех “левых”. Например, “мягкий” Карен Степанян в произволе оценок недалеко ушёл от “резкого” Сергея Чуприна. Он в статье “Выпавшие из времени, или Чуть-чуть не считается” [62] суждения критика, порождённые эпизодом на даче, называет неаргументированными и интерпретирует их, в частности, так: “В противовес эгоистичному писателю Трифонову самому Казинцеву “жаль безымянного мужика”, а вот всех остальных обитателей Дома на набережной не жаль вовсе” [62, с. 256].

Статья К. Степаняна, как и С. Чуприна, оставляет впечатление, будто мы читали разные работы Александра Казинцева с одинаковым названием. Оценка “эгоистичный писатель Трифонов” не встречается у Казинцева ни под каким соусом, но довольно подробно и доказательно (как всегда, доказательно) говорится об эгоцентризме сознания и поведения Горика и жителей Дома правительства, об их “равнодушной отчуждённости” от судеб миллионов соотечественников. Нет в статье критика и слов, что ему не жаль обитателей Дома на набережной, зато есть другое, обйдённое, не замеченное К. Степаняном, С. Чуприным, А. Турковым...

Александр Казинцев на примере безымянного мужика точно предсказал, что именно он станет главным виновником и ответчиком за преступления

XX века, за — добавлю от себя — неудавшийся социальный эксперимент. В 1987–1988 годах “левые” дружно запрокурорствуют: во всём виноват русский народ, русский крестьянин, сознание которого было доличностным, а интересы дальше околицы не простирались, и он, порождая стукачей и палачей, стал опорой и проводником политики сталинизма; другой бы народ сказал своим правителям: “Уходите...” Эти абсурдные утверждения — общее место в статьях Игоря Клямкина и Татьяны Ивановой, Владимира Лакшина и Натальи Ивановой, и многих, многих других.

В отличие от “левых” и некоторых “правых”, Александр Казинцев оценивает любые явления литературы и жизни с позиций православной народности, то есть с позиций той малой части русского народа (собственно народа), которая является выразителем христианских ценностей. Критик (вслед за Михаилом Лобановым и Юрием Селезнёвым) последовательно продолжает отстаивать традицию народности в литературе. Поэтому закономерно, что для него личность — это индивидуальное проявление православной народности (“История — объединяющая или разобщающая”), а явление “омассовления народа” — гибельный путь. И вполне символично, что именно А. Казинцев сразу после публикации в СССР работы Хосе Ортеги-и-Гассета “Восстание масс” одним из первых дал ей разгромно-блестящую характеристику в статье “Четыре процента и наш народ”. Странно только, что Александр Архангельский в своей работе “Между свободой и равенством” [1] ни слова не говорит об этом, зато нашёл у Казинцева — не устаёшь удивляться наглости и фантазии “левых” — подведение “логического большевистского итога” [1, с. 237].

Со второй половины 1980-х годов А. Казинцев становится одним из самых активных борцов против “новой мифологии”, которая тотально внедряется через СМИ. А. Вознесенский, Е. Евтушенко, А. Рыбаков, В. Войнович, В. Аксёнов, И. Бродский, М. Шатров, М. Жванецкий, А. Лаврин, А. Парщиков, В. Коркия, И. Виноградов, С. Чупринин, А. Янов, А. Синявский, Г. Померанц, В. Кантор, Б. Сарнов, Е. Сидоров, А. Дементьев, Г. Боровик, А. Мальгин, В. Белоцерковецкий, Е. Лосото, Г. Петров, О. Кучкина, Н. Ильина, П. Гутионов — вот только некоторые имена адептов и кумиров этой “новой мифологии”, ставшей объектом сокрушительной критики Александра Казинцева.

Им противопоставляется творчество писателей и критиков, которые последовательно и не всегда последовательно выражали русский взгляд на мир и человека. Перечень имён традиционен: В. Белов, В. Распутин, В. Лихоносов, Д. Балашов, К. Воробьёв, В. Астафьев, О. Куваев, Н. Рубцов, М. Лобанов, В. Кожинов, Ю. Селезнёв... Думаю, неслучайно среди критиков Александр Казинцев неоднократно выделяет Михаила Лобанова и Юрия Селезнёва, авторов, наиболее близких ему творчески и человечески.

Возвращение русской философии конца XIX — начала XX веков было воспринято большинством представителей разных направлений с одобрением, воодушевлением, как давно назревшая необходимость. В статьях, интервью звучали признания, что Владимир Соловьёв, Василий Розанов, Николай Бердяев, Сергей Булгаков и т. д. были прочитаны ещё в 1950–1960-е годы. Однако уровень восприятия литературы и жизни от этого не повысился, остался, мягко выражаясь, поверхностно-атеистическим, о чём свидетельствуют работы 1960–1970-х годов. Лишь в статьях и книгах Михаила Лобанова, Юрия Лощица, Игоря Золотусского, Юрия Селезнёва, Ирины Роднянской и некоторых других пульсировала религиозно-духовная мысль...

Возвращение русской философии в конце 1980-х годов сопровождалось культовой эйфорией, сущностной путаницей, стремлением сделать отечественных мыслителей своими союзниками в жарких схватках “гражданской войны” периода перестройки. Одним из первых на некоторые странности возвращения философского наследия указал Александр Казинцев в статье “Новая мифология” [25, с. 144–168].

Оценивая публикации Льва Шестова и Владимира Соловьёва в “Вопросах философии” и “Новом мире”, критик демонстрирует такое понимание вопросов, которое с ходу, в угоду моде не приобретёшь. Религиозно-философский “базис”, полученный за годы, проведённые в библиотеке МГУ, явно чувствуется в большинстве работ Александра Ивановича и особенно в “Новой мифологии” [25].

Казинцев обращает внимание на то, как Соловьёва и Шестова публикаторы, комментаторы пытаются подстричь под излюбленные либеральные идеи.

Критик убедительно полемизирует с доктором философии Н. Мотрошиловой, автором биографического отзыва о Шестове. На её версию происхождения псевдонима Льва Шварцмана Казинцев отреагировал так: “Насчёт противостояния национализму еврейскому – верно. Шестов никогда не ощущал себя еврейским философом. Ему были дороги русские писатели <...>, ему были близки традиции русской мысли, не терпящей философски абстрактных умствований <...>. Что же до борьбы с шовинистическим антисемитизмом, то надо обладать изощрённой в схоластических словопрениях логикой, чтобы увидеть в выборе русского имени “мотив борьбы” с антисемитизмом” [25, с. 164].

Суждения же критика о Владимире Соловьёве, его публикаторах, Сергее Аверинцеве, авторе эссе “К характеристике русского ума”, вызвали возмущённый отклик Владимира Бибикина “Свои и чужие” [5]. Суть его сводится к тому, что Казинцев попытался “учредить опеку над Соловьёвым” [5, с. 84]. Думается, речь в статье “Новая мифология” идёт о другом. Соловьёв как мыслитель был очень широк, а публикаторы “Нового мира” его сознательно урезают. Они знакомят читателя с теми работами, где содержится несправедливая критика русского народа, государства, Церкви, знакомят по фрагментам, а всё “лишнее”, не соответствующее их взглядам, вырезают. Казинцев считает, что на страницах журнала должны были присутствовать и работы иной направленности. В целом же критик не скрывает своего несогласия с Владимиром Соловьёвым по многим вопросам, часть из которых называет.

Вообще-то Александру Казинцеву повезло, ибо его суждения о философе заметили. В последующие годы ситуация принципиально изменилась: возник культ Соловьёва со всеми вытекающими отсюда последствиями. Одно из них – игнорирование “левыми” критики в адрес философа его и наших современников (Б. Чичерина, Н. Страхова, П. Астафьева, В. Несмелова, Н. Ильина, Н. Калягина и других). Так, Николай Ильин в своём серьёзнейшем исследовании “Трагедия русской философии” [13] доказывает, что именно с Владимира Соловьёва начинается деградация русской теоретической философии.

С начала 1990-х Александр Казинцев, как и Вадим Кожинов, Анатолий Ланщиков и некоторые другие “центристы” и “правые”, уходит из критики в публицистику. Свой шаг Казинцев объяснял на протяжении десятков лет неоднократно и по-разному. В 1992 году в 18-м номере газеты “День” Казинцев писал: “Когда трупы выносят в море, не до наслаждения красотами природы и литературы тоже”. В последний год жизни в беседе с Артёмом Комаровым Александр Иванович представил данную ситуацию принципиально иначе и более глобально: “Поэзию я променял на критику, стремясь обратить внимание читателей на стихи моих друзей – Александра Сопровского, Сергея Гандлевского, Бахыта Кенжеева, Алексея Цветкова... <...> Позднее произошёл ещё один перелом: я обнаружил, что люди не понимают не только простых стихов, но и простых жизненных истин. <...> Я попытался объяснить это и переключился на публицистику” [57].

В приведённых самооценках 1992-го и 2020 годов Казинцев не называет точные причины своего творческого перепрофилирования. Во-первых, как критик он писал об авторах, не имеющих никакого отношения к друзьям из “Московского времени”. И даже тогда, когда можно было говорить о них свободно, Александр Иванович не посвятил их творчеству ни одной статьи. То есть первоначальное желание Казинцева не было реализовано не по цензурным соображениям, а по принципиально другим. Во-вторых, уже в конце 1980-х годов Казинцев пишет статьи на стыке критики и публицистики. Более того, последняя в них или доминирует, или занимает равнозначное место с критикой.

Итак, зоилом Казинцев стал на рубеже 1970–1980-х годов потому, что поэзия оставила его (если перефразировать позднее признание Александра Ивановича). Спустя же примерно 10 лет родился Казинцев-публицист, органично аккумулировавший для этой своей новой профессии фундаментальные знания по истории, философии, экономике, политологии.

С тех пор по 2013 год включительно (когда появились последние главы “Дневника современника” во втором, четвёртом, шестом и девятом номерах “Нашего современника”) активно выходили публицистические работы Казинцева. И хотя в 2013 году во время X Кожиновской конференции Александр Иванович, полемизируя с автором этих слов, назвал себя политическим писателем (что принципиальных возражений не вызывает), я буду называть его

традиционно публицистом. При этом нужно понимать, что универсальный публицист Казинцев творил чаще всего на стыке жанров и дисциплин, невольно подтверждая слова М. М. Бахтина, которые любил повторять В. Кожин: “Каждый культурный акт существует на границах: в этом его серьёзность и значимость...” [2, с. 282].

Более 150 статей Казинцева, изданные в “Нашем современнике” за неполные 25 лет и вошедшие в книги “Россия над бездной. Дневник современника 1991–1996” [29], “На что мы променяли СССР? Симулякр, или Стекольное царство” [30], “Возвращение масс. Дневник современника” [31], “Имитаторы. Иллюзия “Великой России” [34] и другие, – убедительное и яркое свидетельство того, что Казинцев-публицист стоит в одном ряду с Игорем Шафаревичем, Вадимом Кожинным, Александром Панариным, Станиславом Куняевым, Михаилом Делягиным, Андреем Фурсовым и другими лучшими мыслителями рубежа XX–XXI веков.

Особая закономерность видится в том, что именно Кожин, с подачи которого Казинцев в феврале 1981 года стал редактором отдела критики “Нашего современника”, сам чуть раньше Александра Ивановича сменивший амплуа литературоведа и критика на историка (а по сути, публициста), написал предисловие к книге “Россия над бездной. Дневник современника 1991–1996” и рецензию на неё “Предвидение и воля”. В ней Кожин акцентирует внимание читателей на следующих особенностях Казинцева-публициста: “Перечитывая одну за другой его многочисленные работы <...>, я увидел, как в них проявляется то, что можно назвать историческим предвидением. Качество, чрезвычайно редко встречающееся даже в работах самых серьёзных публицистов, гораздо чаще можно обнаружить неточность и “шаткость” их предсказаний” [45, с. 6].

Работы Казинцева также отличает, по справедливому утверждению Кожина, “редко встречающееся в современной публицистике сочетание аналитических способностей с твёрдой политической волей” [45, с. 6].

Итак, качества, называемые Вадимом Валериановичем, а также фундаментальные знания, редкий полемический дар, тонкое чувство языка Казинцева определили его место в первом ряду современных публицистов. Однако и к этой сфере творческой деятельности (как было ранее с поэзией и критикой) Александр Иванович теряет интерес.

Как следует из многочисленных высказываний Казинцева, реакция читателей на его творчество имела для него первостепенное значение. В конце 1980-х, в 1990-е годы публицист был личностью популярной: его узнавали на улице, в метро, в поезде. Вечера “Нашего современника”, которые вёл Александр Иванович, собирали многочисленную аудиторию. Но в начале XXI века происходит трагедия исчезновения читателя, о чём неоднократно говорил и писал Казинцев. Именно из-за этого он всё-таки решил оставить публицистику. Последний цикл статей “Поезд убирается в тупик” автор так и не завершил в 2013 году, хотя, по его словам, оставалось написать лишь один текст.

Молчание Казинцева – “чистого” публициста – длилось почти семь лет. О своём состоянии в данный период он поведал за три месяца до смерти: “Я долго раздумывал: для кого писать? Если массовый читатель потерял способность воспринимать рациональные аргументы, к кому обращаться? К Господу Богу? Он и так знает всё. Постепенно пришло мужество отчаяния: писать, несмотря ни на что. Я решил возродить рубрику “Дневник современника” [9]. Первой и, как оказалось, последней статьёй в этой рубрике стала работа “Новая ненормальность” [42, с. 227–234], вышедшая примерно за четыре месяца до смерти Казинцева.

И всё же названное семилетие у Александра Ивановича не было абсолютным творческим перерывом. В данный период он пишет жанрово-диффузные статьи. Это “Сражённые победители” [33], “Патриоты и бюрократы, или Почему патриоты проигрывают” [36], “Не о Байгушеве” [38], “Смердяков поучает. С. Морозов как лицо ЛитРоссии” [37], “Вдохновенная ошибка. “Пушкинская речь” Ф. М. Достоевского” [39], “Молодой и непослушный...” Поэзия Бориса Корнилова” [40], “Поколение “НС” [41], “Друзья и враги “Пробуждения”. Чувство Родины в эпоху Смуты” [43].

Скажу сначала общо: названные статьи очень разного качества. Часть из них (например, “Сражённые победители”, “Патриоты и бюрократы, или Почему патриоты проигрывают”, “Смердяков поучает. С. Морозов как

лицо ЛитРоссии”) написаны с прежним творческим блеском. Однако тексты “Молодой и непослушной...” Поэзия Бориса Корнилова”, “Вдохновенная ошибка. “Пушкинская речь” Ф. М. Достоевского”, “Друзья и враги “Пробуждения”. Чувство Родины в эпоху Смуты” – это очевидный провал автора.

Среди названных работ наибольший резонанс вызвала “Друзья и враги “Пробуждения”. Чувство Родины в эпоху Смуты”. Своё несогласие с высокой оценкой романа Андрея Тимофеева, данной Казинцевым ещё до появления статьи в “Нашем современнике”, я высказал Александру Ивановичу в ходе дискуссии во время очередной Лихоновской конференции в мае 2019 года.

Однако гораздо большего внимания и принципиального отношения заслуживает работа “Вдохновенная ошибка. “Пушкинская речь” Ф. М. Достоевского”, оставшаяся незамеченной литературоведами. В ней известное выступление писателя на пушкинских торжествах подвергается несправедливой критике.

Прежде чем выразить отношение к статье Казинцева, сделаю небольшое отступление. Первоначально Александр Иванович планировал опубликовать свою работу в “Родной Кубани”, однако текст показался мне слабым, неаргументированным, “неказинцевским”. Естественно, в “Родной Кубани” он не мог появиться, о чём я и сказал Александру Ивановичу. В подобных ситуациях, когда возникают разногласия между “своими”, невольно вспоминается негативно-резкий отклик Вадима Кожина “Заметки на полях, – но об очень важном” [46, с. 191–196] на статью Казинцева “Дао Тун”.

Свой текст Вадим Валерианович предварил принципиально важными словами, имеющими долгоиграющий смысл, не принимаемый теми, кто выступает за единомыслие, отсутствие дискуссии среди патриотов. Итак, Кожин на пороге смерти написал: “Истина, как говорится, рождается в спорах, и полемика важна и, более того, необходима (разрядка моя. – Ю. П.) не только между далёкими друг от друга, но и близкими (разрядка моя. – Ю. П.) по своим убеждениям людьми. Поэтому читатели не должны воспринимать как нечто несообразное мой спор с двумя видными авторами и одновременно членами редколлегии нашего журнала” [46, с. 191].

Собственно, подобным образом поступал и я, полемизируя с В. Розановым, В. Кожинным, Ст. Куняевым, С. Семановым, В. Бондаренко, И. Золотусским, З. Прилепиным и другими “своими” или не совсем “своими”. Теперь очередь дошла и до А. Казинцева.

Уже во втором предложении его статьи утверждается, что “Пушкинская речь” Достоевского не прочитана “с должной глубиной и ответственностью” [39, с. 180], а в финале текста Казинцев советует “сдерживать фантазии”, “обуздывать красноречие”, “опираться на факты” [39, с. 185]. Все эти правильные пожелания можно и нужно переадресовать автору “Вдохновенной ошибки”.

В самом начале её Казинцев называет якобы объективный фактор, обеспечивший грандиозный успех “Пушкинской речи”. Согласно фантазии Александра Ивановича, 1880-й год – рубежный “период” (это слово в “Речи” отсутствует) в истории русской литературы (о ней Достоевский не говорит вообще), и Фёдор Михайлович в своём выступлении подвёл итог развития золотого века отечественной словесности. Авторская версия, не имеющая к “Пушкинской речи” даже малейшего отношения, аргументируется своеобразно: “Тремя годами ранее умер Н. Некрасов. Спустя год после пушкинских торжеств не стало самого Достоевского. В 1883 году умрёт и Тургенев. В 1879-м Л. Толстой вчерне заканчивает “Исповедь”, где по существу отказывается от своих художественных произведений” [39, с. 180].

Непонятно, как можно подводить итог тому, что длилось ещё десятилетия (золотой век русской литературы) или не произошло (смерти Достоевского и Тургенева). О толстовской “Исповеди” Достоевский, естественно, не знал, тем более в ней Лев Николаевич писал о своём разочаровании в литературном труде и буквально во всём, ибо жизнь, как утверждал он, “есть бессмыслица” [67, с. 23]. От прав на свои произведения Толстой отказался в 1891 году. Но главное, разрушающее версию Казинцева до основания, состоит в другом: до конца жизни, до 1910 года Лев Николаевич активно творил. И поэтому, и по причинам, ниже называемым, ни о каком подведении итогов в “Пушкинской речи”, как и в любом адекватном тексте, речь не шла и не могла идти.

А. Казинцев же, движимый непонятым желанием и формально-хронологической логикой, оставляет за бортом отечественной классики писателей,

умерших после И. С. Тургенева. Тех, кого даже искусственно привязать к 1880 году невозможно: слишком наглядными будут временной зазор и авторский произвол. Вот фамилии этих классиков с указанием в скобках даты их кончины: А. Н. Островский (1886), И. А. Гончаров (1891), А. А. Фет (1892), Н. С. Лесков (1895), А. П. Чехов (1904).

В угоду своей концепции Казинцев игнорирует широко известные эпистолярные высказывания Достоевского об основных смыслах “Пушкинской речи”. Поэтому вынужден сказать об очевидном. В своём выступлении великий писатель хотел, в первую очередь, доказать: А. С. Пушкин – гений мирового масштаба. В чём ему последовательно отказывала партия западников, начиная с В. Белинского и заканчивая И. Тургеневым.

Во время пушкинских торжеств Иван Сергеевич поступил тактически хитро. В финале своей речи он сказал: “...быть может, явится новый, ещё *неведомый избранник*, который превзойдёт своего учителя и заслужит вполне название национально-всемирного поэта, которое мы не решаемся дать Пушкину, хоть и не дерзаем его отнять у него” [68, с. 75]. Тургенев, уходя от ответа на главный вопрос, лавируя, явно логически заблудился: как можно отнять то, чего не давалось...

Помимо цитат из писем Достоевского, отсутствующих в статье Казинцева, есть источники, которые, казалось бы, обойти нельзя. Фёдор Михайлович, услышав первые упреки в свой адрес и предвидя другие, издаёт в “Дневнике писателя” “Пушкина”, предваряя его “Объяснительным словом по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине” [10]. В нём Достоевский называет четыре главные идеи речи. От статьи Казинцева возникает устойчивое впечатление, что он не читал этот текст или сознательно его игнорирует.

На протяжении всего текста Казинцев, как в своё время Константин Леонтьев, полемизирует с Достоевским, прибегая к недостойным приёмам, ранее у него не встречавшимся. Опровержение многочисленных голословных утверждений Казинцева заняло бы очень много места, поэтому остановлюсь на наиболее характерных примерах.

Позицию автора “Вдохновенной ошибки” можно назвать преимущественно “левой”: в одном случаях – социалистической, в других – либеральной. Следуя первой традиции, Казинцев упрекает Достоевского в том, что он не учитывал “социальное расслоение деревни”, ухудшение экономического положения крестьянства, а “манил их “единением всечеловеческим!”” [39, с. 183]. Достоевский критикуется и за то, что в “Пушкинской речи” нет ссылок на якобы знатоков крестьянского вопроса во главе с Глебом Успенским (Казинцева не смущает даже то, что приводимый им цикл очерков “Власть земли” вышел через год после смерти Фёдора Михайловича).

Итак, Александр Иванович, реанимировав хорошо знакомые и, казалось бы, ушедшие навсегда “аргументы” советских ортодоксов (только цитаты Ленина об “архискверном Достоевском” не хватает), сделал из автора “Пушкинской речи”, по сути, горьковского Луку...

В целом полемика по данному вопросу, занимающая пятую часть статьи, порождена не выступлением Достоевского, а следующим суждением Казинцева: “Достоевский сводит понятие народа к крестьянству, что само по себе спорно” [39, с. 182-183]. Однако в “Пушкинской речи” не только не затрагивается данная тема (поэтому и цитата из первоисточника, подтверждающая сказанное критиком, отсутствует), но и слово “крестьянин” не встречается вообще. И такой приём – приписывание идей, рождённых Казинцевым, Достоевскому и последующая полемика с ними – самый распространённый в статье.

Неожиданной видится и следующая её особенность: из современников Достоевского Александр Иванович наиболее часто солидаризируется с оценками “Пушкинской речи”, данными либералом Александром Градовским. Вот как цитаты и ссылки на одного из самых последовательных ненавистников Достоевского “усиливают” текст Казинцева: “Критики упрекали Достоевского в том, что он обошёл вниманием такого пушкинского современника, как Гоголь. По их словам, Гоголь – “великая оборотная страна Пушкина” (А. Градовский). Действительно, друг и единомышленник поэта резко договаривает многое из того, о чём в силу особенности своего солнечного дарования не говорил Пушкин.

Гоголь, – утверждает А. Градовский, – вывел череду устрашающих персонажей: Собакевичей, Ноздрёвых, Коробочек. От них-то и бежали “скитальцы”,

подобные Онегину. (Кстати, описание гостей на именинах Татьяны во многом подтверждает догадку А. Градовского)” [39, с. 182].

Во-первых, критики, якобы упрекавшие Достоевского, Казинцевым не случайно не названы: с помощью безымянных авторов он транслирует своё представление о недостатках “Пушкинской речи”. В ней, как следует из других высказываний критика, помимо гоголевского сюжета, необходимы были обращения к “музыке, живописи, архитектуре”, “к народным песням, былинам” [39, с. 182], “к героям “Капитанской дочки””: Петру Гринёву, Савельичу, семейству капитана Миронова, Пугачёву и его сподвижникам” [39, с. 182] и т. д. То есть выступление Достоевского на пушкинских торжествах оценивается критериями кандидатской диссертации, книги или безразмерной журнальной статьи.

Во-вторых, то, как подаются в тексте Казинцева мысли Градовского, свидетельствует об одном: автор “Вдохновенной ошибки” работал не с первоисточником. Он взял обрезанные цитаты и утверждения Градовского, переделав их на свой лад, из статьи Достоевского “Придирика к случаю. Четыре лекции на разные темы по поводу одной лекции, прочитанной мне г-ном А. Градовским. С обращением к г-ну Градовскому” [12]. На 154 странице 26 тома полного собрания сочинений Достоевского приводится большое высказывание Градовского, которым и воспользовался Казинцев.

В-третьих, Достоевский ответил Градовскому на его версию об Алеко (он у Казинцева почему-то отсутствует) и Онегине, убегающих от Коробочек, Собакевичей и т. д. Удивляет, что и в этот раз Казинцев соглашается с А. Градовским, а не с Ф. М. Достоевским. Из очень длинного ответа писателя своему оппоненту, где тотально опровергаются все аргументы Градовского, приведу один из ключевых фрагментов: “А я утверждаю, что Алеко и Онегин были тоже в своём роде Держиморды, и даже в ином отношении и похуже. <...> Алеко и Онегин к России были высокомерны и нетерпеливы, как все люди, живущие от народа отдельной кучкой, на всём на готовом, то есть на мужичьем труде и на европейском просвещении, тоже им даром доставшемся. <...> И не только перед Держимордой был горд наш скиталец, но и перед всей Россией, ибо Россия, по его окончательному выводу, содержала в себе только рабов да Держиморд. Если же заключала что-нибудь в себе поблагороднее, то это их, Алек и Онегиных, а более ничего” [11, с. 156-157].

В ответе А. Градовскому (как и в “Объяснительном слове...”, “Пушкине”) Достоевский даёт универсально-вневременные характеристики, применимые и к либеральной интеллигенции XXI века. Поэтому, в частности, Достоевского запредельно-паталогически ненавидят современные либералы — от Анатолия Чубайса до Дмитрия Быкова. Как очередное — бесчисленное — подтверждение пророческого дара Достоевского, отметившего в данном “отрицательном типе” эгоцентризм, воспринимаются слова Андрея Макаревича, сказанные в июне 2022 года: “Вижу тьяканье по поводу уехавших — Аллы, Максима, Чулпан, Земфиры... Это Россия уехала от вас, м<...>. Потому что Россия — они, а не вы” [50, с. 304].

Ненависть к Достоевскому либеральной интеллигенции, мнящей себя “розой в навозе”, понятна, объяснима. Использование же Александром Казинцевым некоторых расхожих “аргументов” из арсенала коллективного быковочубайса вызывает вопросы.

Спор свой с автором “Пушкинской речи”, с его идеей всемирности и всечеловечности (спор, занимающий в тексте самое большое место), Казинцев завершает так: “...отвечая на критику А. Градовского, Достоевский пишет: “Да, она накануне падения, ваша Европа, повсеместного, общего и ужасного. Муравейник, давно уже созидавшийся в ней без церкви и без Христа... с расшатанным до основания нравственным началом, утратившим всё, всё общее и всё абсолютное, — этот созидавшийся муравейник, говорю я, весь подкопан”.

Я веду речь об увлечении фразой, о том нервическом напряжении мысли, свойственном русским вообще и Достоевскому в особенности. Приведённая инвектива в адрес Европы столь же опрометчива, как и мечта “о конечном единении” с нею. Прошло без малого полтора века, а “подкопанный муравейник” стоит” [39, с. 185].

Версию о “нервическом напряжении мысли” нет смысла комментировать. Из многих же суждений Достоевского, в том числе приведённых Казинцевым, ясно: речь идёт о религиозном, духовно-нравственном “подкопе”, деградации.

И примеров, подтверждающих справедливость оценок и прогнозов Фёдора Михайловича, более чем достаточно: от массовой фашизации Европы в 1930-е – 1940-е годы и в XXI веке до духовно-нравственного и культурного вырождения, гендерной мутации-шизофрении последних десятилетий.

Идея же “единения”, “общей гармонии” очень вольно трактуется Казинцевым. Ключевая цитата из Достоевского в версии Александра Ивановича заканчивается словами: “... может быть, изречь окончательное слово великой общей гармонии” [39, с. 181].

Из полемических выпадов Казинцева следует, что он не замечает гипотетическую направленность высказываний Достоевского. Об этом свидетельствует, в первую очередь, оборот “может быть”, многократно употребляемый в ударных местах “Пушкина”, “Объяснительного слова...”, “Придирки к случаю...”. Их автор настойчиво подчёркивает, что названный им идеал может быть реализован только в будущем [10, с. 131; 11, с. 164; 12, с. 171]. К тому же Фёдор Михайлович предсказывает ситуацию, в которой его слова “могут показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими” [11, с. 148]. Однако, как утверждает Достоевский, его “фантазия” – это сверхидеал, устремлённый в будущее и порождённый Пушкиным и Христом.

Именно ключ к пониманию идеи единения, гармонии, оспариваемой Казинцевым, сознательно им скрывается от читателя. Критик в приведённой цитате обрезал её смыслоопределяющий фрагмент. У Достоевского читаем: “... гармонии (после этого слова Казинцев ставит точку?! – Ю. П.), братского окончательного согласия всех племён по Христову евангельскому закону (разрядка моя. – Ю. П.)” [11, с. 148]. Только на почве этого “закона” возможна реализация идеи Достоевского в будущем. Сказанное, думаю, обуславливает аргументы автора “Вдохновенной ошибки”.

Некоторые же суждения Казинцева о путях развития России, высказанные в полемике с Достоевским, на самом деле созвучны главной идее “Пушкинской речи”. Она во “Вдохновенной ошибке” не называется, поэтому есть смысл закончить разговор о статье Казинцева цитатой из Достоевского: “Тут уже подсказывается русское решение вопроса, “проклятого вопроса”, по народной вере и правде: “Смирись, гордый человек, и прежде всего слыми свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве”, – вот это решение по народной правде и народному разуму. “Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой – и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя – и станешь свободен, как никогда и не воображал себе, и начнёшь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймёшь наконец народ свой и святую правду его” [11, с. 139].

Сказанное о “Вдохновенной ошибке” принципиально не влияет на общую оценку творческой деятельности Казинцева. Без него, одного из самых талантливых и ярких авторов, критика и публицистика рубежа XX–XXI веков немислимы.

Талант Казинцева-редактора не менее значителен и ярок, чем дар критика и публициста. Его сорокалетняя деятельность в журнале “Наш современник” – тема отдельного разговора. Он был начат ещё при жизни Александра Ивановича и продолжен после его преждевременной, неожиданной кончины.

Об уникальном редакторе-марафонце, его выдающихся профессиональных и человеческих качествах сказано справедливо Станиславом Куняевым [48], Захаром Прилепиным [58], Алексеем Татариновым [64], Платоном Бесединым [4], Андреем Тимофеевым [66] и многими другими. Приведу только слова Лидии Сычёвой, ибо в них называются качества идеального редактора, каковым, несомненно, был Александр Иванович Казинцев. “Редакторское дело требует многих качеств – литературного вкуса, интуиции, чутья, умения ладить с авторами (каждый из них – наособицу). Надо быть одновременно бойцом, политиком, дипломатом, медийной фигурой и человеком, приятным в общении. Нужна высокая работоспособность и готовность откликаться на новые идеи. Нужна мудрость компромисса и твёрдость позиции. Нужно убеждать и наставлять, вдохновлять и утешать.

Этими достоинствами Александр Иванович Казинцев наделён сполна” [63, с. 146].

Словами, сказанными мною в 2018 году и на следующий день после кончины очень дорогого мне человека, думаю, правильно будет завершить статью: “Александр Иванович Казинцев занимает особое место в моей жизни с начала 1980-х годов. Он – один из моих учителей. На статьях молодого Казинцева-критика я учился нелёгкому зоиловскому делу.

Логичное и аргументированное мышление, яркий живой образный русский язык, независимость позиции, позволяющая не соглашаться с самыми высокими авторитетами, энциклопедическая образованность, при внешнем спокойствии редкий темперамент бойца, верность в служении русскому делу – вот только некоторые черты, за которые я ценю и люблю Александра Ивановича Казинцева.

Он очень добрый, чуткий человек и редактор, что среди пишущей, газетно-журнальной братии редкое явление. Александр Иванович помог найти свою дорогу в литературе многим и многим прозаикам, поэтам, критикам, публицистам.

Без Казинцева, уверен, не сложилась бы столь достойно судьба “Нашего современника” – лучшего русского журнала последних пятидесяти лет” [55, с. 142]; “В своих разножанровых произведениях Александр Иванович с филигранным мастерством говорил правду о прошлом и настоящем страны, мира, оценивал любые события, людей, художественные произведения с позиции интересов народа и Родины.

Блестящий интеллектуал и эрудит, ярчайший полемист, светлый и красивый человек, надёжный товарищ, мудрый наставник <...>, Александр Иванович Казинцев навсегда останется в памяти тех, кому дорога русская культура и Россия” [56].

Список использованных источников:

1. Архангельский А. Между свободой и равенством // Новый мир. 1991. № 2. С. 225–241.
2. Бахтин М. М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества // М. М. Бахтин. Собр. соч. в 7 т. – Т. 1. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2003. 958 с.
3. Белинский В. Взгляд на русскую литературу 1847 года. – URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1847.shtml.
4. Беседин П. К русскому острову // Литературная газета. 2020. № 49. URL: <https://lgz.ru/article/-49-6764-09-12-2020/k-russkomu-ostrovu/>.
5. Бибихин В. Свои и чужие // Литературное обозрение. 1989. № 12. С. 83–85.
6. Бочаров А. Требовательная любовь. Концепция личности в современной советской прозе. – М.: Художественная литература, 1977. 368 с.
7. Бочаров А. Строка Белинского // Новый мир. 1986. № 6. С. 220–221.
8. “Война не закончилась”. Беседа Игоря Панина с Александром Казинцевым // Литературная газета. 2013. № 43. URL: <https://lgz.ru/article/-43-6436-30-10-2013/voyna-ne-zakonchilas/>.
9. “В минуты роковые...”. Беседа Андрея Тимофеева с Александром Казинцевым // День литературы. 2020. № 8. URL: <https://denliteraturi.ru/article/5283>.
10. Достоевский Ф. М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине // Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30 тт. Т. 26. Дневник писателя 1877 сентябрь–декабрь; 1880 август. Л.: Наука, 1984. С. 129–136.
11. Достоевский Ф. М. Пушкин // Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30 тт. Т. 26. Дневник писателя 1877 сентябрь–декабрь; 1880 август. Л.: Наука, 1984. С. 136–149.
12. Достоевский Ф. М. Придирка к случаю. Четыре лекции на разные темы по поводу одной лекции, прочитанной мне г-ном А. Градовским. С обращением к г-ну Градовскому // Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30 тт. Т. 26. Дневник писателя 1877 сентябрь–декабрь; 1880 август. Л.: Наука, 1984. С. 149–173.

13. Ильин (Мальчевский) Н. П. Трагедия русской философии / Н. П. Ильин (Мальчевский). Ч. 1: От личности к лицу: Введ. в принципы ист.-филос. понимания. СПб: Акад. тип. Наука РАН, 2003. 213 с.
14. “Искусство понимать”. Беседа Юрия Павлова с Александром Казинцевым // День литературы. 2008. № 10. С. 4.
15. Казинцев А. Несвоевременный Катенин // Литературная учёба. 1982. № 5. С. 170–177.
16. Казинцев А. “Я наблюдал, боготворя...” (К проблеме: художник и народ в поэзии середины века) // Вопросы литературы. 1983. № 9. С. 63–80.
17. Казинцев А. Игра на понижение // Литературное обозрение. 1983. № 10. С. 29–32.
18. Казинцев А. Не драка, а диалог // Литературная газета. 1984. № 20. С. 3.
19. Казинцев А. Взыскательная критика и её противники // Наш современник. 1986. № 4. С. 184–189.
20. Казинцев А. Путь на пользу // Литературное обозрение. 1986. № 7. С. 43–46.
21. Казинцев А. Простые истины // Наш современник. 1986. № 10. С. 174–185.
22. Казинцев А. Лицом к истории: продолжатели или потребители // Наш современник. 1987. № 11. С. 166–175.
23. Казинцев А. Очищение или злословие // Наш современник. 1988. № 2. С. 186–189.
24. Казинцев А. История – объединяющая или разобщающая // Наш современник. 1988. № 11. С. 163–184.
25. Казинцев А. Новая мифология // Наш современник. 1989. № 5. С. 144–168.
26. Казинцев А. Жертва вечерняя // Литературная Россия. 1990. № 47. С. 14–15.
27. Казинцев А. “Я – русский поэт!” К 100-летию со дня рождения О. Э. Мандельштама // Москва. 1990. № 12. С. 190–199.
28. Казинцев А. Придворные диссиденты и “погибшее поколение” // Наш современник. 1991. № 3. С. 171–176.
29. Казинцев А. Надзирающая // Наш современник. 1995. № 2. С. 177–185.
30. Казинцев А. Россия над бездной. Дневник современника 1991–1996. – М.: Наш современник, 1996. – 240 с.
31. Казинцев А. На что мы променяли СССР? Симулякр, или Стекольное царство. М.: Яуза, Эксмо, 2004. 448 с.
32. Казинцев А. Возвращение масс. Дневник современника. М.: Наш современник, 2010. 688 с.
33. Казинцев А. Сражённые победители // Парус. 2014. № 1. URL: <http://parus.ruspole.info/node/5034>.
34. Казинцев А. Елена Тулушева: поколение двадцатилетних // День литературы. 2014. № 8. URL: <https://denliteraturi.ru/article/23>.
35. Казинцев А. Имитаторы. Иллюзия “Великой России”. М.: Алгоритм, 2015. 320 с.
36. Казинцев А. Патриоты и бюрократы, или Почему патриоты проигрывают // Наш современник. 2015. № 11. С. 163–168.
37. Казинцев А. Смердяков поучает. С. Морозов как лицо ЛитРоссии // Наш современник. 2016. № 3. С. 285–288.
38. Казинцев А. Не о Байгушеве // Наш современник. 2016. № 5. С. 224–225.
39. Казинцев А. Вдохновенная ошибка. “Пушкинская речь” Ф. М. Достоевского // Наш современник. 2017. № 11. С. 180–185.
40. Казинцев А. “Молодой и непослушный...” Поэзия Бориса Корнилова // Наш современник. 2018. № 2. С. 107–112.
41. Казинцев А. Поколение “НС” // Наш современник. 2018. № 8. С. 3–6.
42. Казинцев А. Новая ненормальность // Наш современник. 2020. № 7. С. 227–234.
43. Казинцев А. Друзья и враги “Пробуждения”. Чувство Родины в эпоху Смуты // Наш современник. 2020. № 3. С. 207–220.
44. Кожин В. “И назовёт меня всяк сущий в ней язык...” // Наш современник. 1981. № 4. С. 153–176.

45. Кожин В. Предвидение и воля // Завтра. 1996. № 39. С. 6.
46. Кожин В. Заметки на полях, – но об очень важном // Наш современник. 2001. № 1. С. 191–196.
47. Критика – 1988: Мнения и сомнения // Литературная газета. 1989. № 1. С. 4.
48. Куняев С. Реквием // Наш современник. 2012. № 12. С. 287–288.
49. Макаревич А. “Это Россия уехала от вас...” // Комсомольская правда. 2022. 22–29 июня. С. 34.
50. Немзер А. Диалог продолжается. О работах последних лет, посвящённых жизни и творчеству В. Г. Белинского // Литературное обозрение. 1986. № 6. С. 43–51.
51. Немзер А. Конец прекрасной эпохи // Новый мир. 1991. № 5. С. 241–248.
52. Новиченко Л. Строка Белинского // Новый мир. 1986. № 6. С. 229–230.
53. Об этике литературного спора // Вопросы литературы. 1987. № 4. С. 208–212.
54. Павлов Ю. Мемуары последних лет: взгляд из Армавира / Павлов Ю. // Павлов Ю. М. Человек и время в поэзии, прозе, публицистике XX–XXI веков. М.: Литературная Россия, 2011. С. 231–245.
55. Павлов Ю. Темперамент бойца // Наш современник. 2018. № 10. С. 142–143.
56. Павлов Ю. Ушёл из жизни Александр Иванович Казинцев // Родная Кубань. 2020. URL: https://rkuban.ru/media/news/novosti_377.html.
57. “Понять себя”. Беседа Артёма Комарова с Александром Казинцевым. URL: <https://sarmediaart.ru/intervyu/112-aleksandr-kazintsev.html>.
58. Прилепин З. Весенний человек // Наш современник. 2018. № 10. С. 131–132.
59. “Русская боль”. Беседа Валерия Сдобнякова с Александром Казинцевым // Наш современник. 2016. № 2. С. 159–165.
60. “Русские пассионарии были всегда”. Беседа Маргариты Синкевич с Александром Казинцевым // Родная Кубань. 2017. № 1. С. 82–87.
61. Селезнёв Ю. Глазами народа / Селезнёв Ю. // В мире Достоевского. Слово живое и мёртвое. М., 2014. С. 22–51.
62. Степанян К. Выпавшие из времени, или Чуть-чуть не считается // Дружба народов. 1988. № 1. С. 248–258.
63. Сычёва Л. Действующий // Наш современник. 2018. № 10. С. 145–146.
64. Татаринов А. Присутствие Казинцева // Наш современник. 2018. № 10. С. 139–141.
65. “Теперь ваша судьба решена”. Беседа Владимира Винникова с Александром Казинцевым // Наш современник. 2021. № 1. С. 3–12.
66. Тимофеев А. Ответ на вопрос: “Кто для Вас Александр Казинцев?” // Наш современник. 2018. № 10. С. 148.
67. Толстой Л. Н. Исповедь // Толстой Л. Н. Великий грех. М.: АСТ, 2019. 256 с.
68. Тургенев И. С. Речь по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве // Полн. собр. соч. и писем в 28 тт. Т. 15. Корреспонденция. Речь. Предисловия. Открытые письма. Автобиографическое и прочее 1848–1883. Указатели. Л.: Наука, 1968. С. 66–76.
69. Цветаева М. Поэт о критике. URL: <http://lib.ru/POEZIQ/CWETAEWA/poet.txt>.
70. Чупринин С. Критика – это критики. М.: Советский писатель, 1988. 320 с.
71. Чупринин С. Критика – это критики! // Литературное обозрение. 1988. № 10. С. 32–34.
72. Юхт В. Кто он, современный критик? // Вопросы литературы. 1986. № 5. С. 179–185.